

КЛАДБИЩЕНСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Аннотация. В статье ставится вопрос об искусстве эпитафий. Были проанализированы четыре типа эпитафий на материале лично собранных на кладбище Ячнево в Белгороде надписей. Наиболее распространёнными стали краткие сведения (имя, отчество, фамилия, даты жизни). Вторую группу представляют эпитафии, содержащие краткую строку со словами о любви, памяти и скорби. Третий тип – это стихотворные посвящения умершему человеку. И наконец, четвертый тип – это слова, которые сказал бы сам ушедший. Этот тип эпитафий исключительно выразителен и требует к себе большего внимания.

Ключевые слова: кладбище, надгробия, эпитафия, память, писатель.

Введение

Тема смерти и кладбищ к совершенно неразработанным темам не относится. Существует немало художественных произведений, в которых поднимается этот вопрос. Отметим роман Ч. Айтматова «Буранный полустанок», действие которого разворачивается на фоне похорон старого человека. Сюда же отнесём повесть Сергея Каледина «Смирненное кладбище». *Почему бы тебе не написать про кладбище, а то у нас один только Йорик? – такой вопрос задала автору мать Тамара Каледина.*

Тема кладбищ находит своё отражение в публицистике. Например: «Командировка на кладбище» – публикация, в которой тема парижского кладбища сопряжена с острой проблемой первой эмиграции в России [Солоухин 1987: 11-20]. О кладбище в Гамбурге пишет скульптор Григорий Ястребенецкий: «Когда я первый раз попал на это кладбище, меня поразило то, с каким вниманием и заботой отнеслись немцы к кладбищу их самых заклятых врагов – советских солдат. На каждой могиле стояла

мраморная плита с именем, фамилией, датами рождения и смерти этого солдата» [Ястребенецкий 2013: 190].

Что же касается более частных вопросов, то к настоящему времени накоплено немало работ, в которых анализируется эта проблематика. Отметим сборник «Проблематика смерти в естественных и гуманитарных науках», включающий исследования на грани лингвистики и философии, а также чистой лингвистики [Проблематика... 2000].

В лингвистическом отношении представляют несомненный интерес детальные описания похоронной терминологии: наименований умершего, наименований исполнителей обряда, ритуальных даров, лексики одежды, яств. Это осуществляется, как правило, в купе с отражением этнорегиональных фольклорных особенностей [Седакова 1983, Филатова 1995, Гаврилова 1997]. Кстати, эти особенности сохраняются, например, в Белгородской области до сих пор, в частности вопросы времени захоронения. [Разговор в троллейбусе:] *...Я тут должна костями лечь. Я пришла! В шесть часов похороны, но вы меня извините! – Да, да. В деревне до-олго отпевают...* (30.06.15). [Лаборант кафедры рассказывает:] *У нас в деревне принято: если даже рано утром умер человек, то обязательно он должен ночь провести в своём доме, нельзя хоронить, если не переночевал* (24.03.16).

Мы же для своего анализа остановимся на одной из ещё более частных проблем, однако, лингвистически до сих пор не изученных, – надписях на надгробиях.

Основная часть

Собирая надписи на памятниках, или, если можно так выразиться, исследуя кладбищенскую лингвистику, мы выделили (условно, конечно) четыре группы надписей. Заметим, что все приведённые далее примеры почерпнуты на кладбище Ячнево города Белгорода в пределах аллеи, тянущейся от первого кладбища до второго.

Абсолютное большинство могильных постаментов содержит весьма лаконичные сведения: фамилию, имя, отчество и даты жизни и смерти, обычно максимально точные, но нередко и

сдержанные, касающиеся только года рождения и года ухода. Здесь есть своя правда: пишущий как бы говорит: перед смертью все равны. От человека остаётся только имя, годы жизни, а всё, что кроме, касается родных и знакомых, не более. Полагаем, что в таком сдержанном ключе просматривается и дань национальной черте – скромности, которая не позволяет указывать порою даже профессию, хотя для проходящих мимо чужих незнакомых людей эта информация была бы значима, если не сказать – иногда бесценна.

Вторую группу составляют надгробия, в которых помимо фамилии, имени, отчества, а также дат жизни и смерти представлены посвящения, выраженные краткой пронзительной строкой: **Забывать нельзя. / Вернуть невозможно.* Таких посвящений, «без подписи», достаточно много, хотя нередко бывают надгробия с указанием тех, кто представил надпись: **Любимому сыну от безутешной мамы. *Мама, Вы в наших сердцах навсегда. / Дочери. *Помним, скорбим. / Твои родные.*

Оказывается, здесь таится своего рода белое пятно, заставляющее думать, что именно написать на постаменте, как выразить ту глубокую скорбь, которая надолго оказалась в сердцах родственников. Создаются краткие посвящения, отражающие всю боль от случившегося. Такое решение принимает сейчас большинство родных. Мы получаем свод надписей, адресантами которых являются живые люди – родственники умерших. Получается, что авторы этих строк не только устанавливают памятник, но и озвучивают память об ушедших людях. **Светлая память о тебе останется в наших сердцах навсегда / Жена, дети, внуки. *Помним, любим, скорбим. / Родные. *Мы тебя помним и любим. *Ты всегда с нами, дорогая бабушка. Помним, скорбим.*

Н.М. Карамзин по просьбе одной нежной матери сочинил эпитафию на камень её умершей двухлетней дочери: *«Покойся, милый прах, до радостного утра!»*. Исследователь Владимир Марков справедливо считает это лучшим и наиболее изысканно оркестрованным одностроком в русской поэзии [Марков 1999]. И, действительно, эпитафия отличается высоким строем мысли. Написать строки и не слукавить очень непросто, как непросто не

обнародовать чувства боли и скорби, как например: **Светлая о тебе память / родные.*

Третья группа надписей – это стихи. Похороны – важнейший обряд, и это ритуальное действие требует оптимального, тонкого, глубокого выражения. **Тебя давно уж с нами нет, / А скорбь и боль не угасают. *Прохожий, помолись над этой могилой, / Он в ней нашёл приют от всех земных забот. / Жена, дети, внуки, тёща, друзья.*

Есть, конечно же, двустрочные стихи, но абсолютное большинство стихов состоит из четырёх строк.

**Ушла из жизни ты мгновенно, / Никто не мог тебя спасти, / У нас в душе такие раны, / Пока мы живы, с нами ты.*

**Ты жил, любил, спешил помочь другим, / Безвременно ушёл... / Нам не вернуть потери. / Но и сегодня с нами ты, / Мы в это свято верим / Родные и близкие.*

**Склонившись, стою над твоею могилой, / Горячей слезой поливаю цветы. / Не хочется верить, сыночек любимый, / Что в этой могиле находишься ты.*

**Спассти тебя мы не смогли, / Ушёл из жизни ты очень рано. / Но светлый образ твой в душе / хранить мы будем постоянно.*

Когда захоронения осуществляются в одном месте, то на рядом находящихся надгробиях возникает возможность посвятить стихи каждому из ушедших. Это редкий, конечно же, случай, но случай, заслуживающий внимания. Единство семьи, единство памяти на лицо:

И в час, когда нам сон глаза смыкает, / И в час, когда зовёт восход, / Тебя нам так порою не хватает, / Так остро нам тебя недостаёт. / Сыновья, невестки, внуки.

Проходят дни, / Но не проходит скорбь. / Глубокой болью сердце сжато. / Жена, дети.

Мой мир один, так сложно выдуман, / Из сотен льдин надёжно выкован, / С немых картин внезапно выломан, / Звездой на небе ярко выколон.

Прощайте, верные дубравы! / Прощай, беспечный мир полей, / И легкокрылые забавы / Столь быстро улетевших дней.

Обратимся ещё к одной, четвёртой по счёту группе надписей, примеры которой находим в литературе, а по жизни есть ли

они? До сих пор авторами строк (и стихов) были родственники, близкие люди, но возможен другой вариант. Может быть, написать на надгробии как раз то, что хотел сказать сам умерший, насколько красноречивее были бы могилы!

«Как писатель отвечает на любовь читателей? Бесконечным правом читателя на личную встречу. Живой писатель может оказаться замкнутым, раздражённым, даже неумным. Но мёртвый, о мёртвый! – он прекрасен. Автор раскрывается в творениях столько раз, сколько вы захотите. Конечно, почитатели таланта (словосочетание такое же постное, как «рыбный день») посещают дома-музеи, усадьбы, квартиры и – не забудьте об этом – могилы, хотя всегда молчаливая могила любого создателя слов смотрится непреодолимым противоречием ему самому: мы привыкли, что он не молчит» [Давыдов 2018: 43].

Мысль, безусловно, интересная. Почему бы на памятниках не писать слова посвящения, или цитаты, или ещё какие-либо слова, и делать это можно не только применительно к писателям-поэтам, но и к другим людям, пусть не ко всем, но... Но здесь свои сложности. Это в идеале не может быть афоризмом. Точнее, афористическая мысль должна быть выражена несколько загадочно, неполно, но от этого она только выигрывает. Своеобразной школой таких надписей могут служить сведения из различных источников.

На могильном памятнике Ньютона высечена эпитафия, автор которой – английский поэт XVIII века Александр Поуп. Она гласит: «*Nature, and Nature's Jaws lay hid in night. God said, Jet Newton be. And all was light*». Самуил Яковлевич Маршак перевёл её так: «*Был этот мир глубокой тьмой окутан. Да будет свет! И вот явился Ньютон*» (Наука и жизнь, 2017, № 1. С. 111).

Об известном в России меценате, помогавшем учёным с обязательным условием прикладного применения достижений, Х.С. Леденцове написано так: «На надгробии, выполненном из чёрного гранита, начертаны слова из завещания: «*Наука – средство, ведущее к возможному благу человечества*» и «*При наименьшей затрате капитала принести возможно большую пользу большинству населения*» (Знание – сила, 2015, № 5. С. 115).

Композитор Иоганн Гайдн завещал, чтобы на его надгробии были высечены три слова: «*Пришёл. Писал. Жил*», что было исполнено (Радио России 29 ноября 2018 г.).

Выдающийся философ Григорий Сковорода надпись на надгробии составил себе сам: «*Мир ловил меня, но не поймал*». И воспринимается это как завещание, главные слова, потому что последние.

«*Россия, хотя бы иногда вспоминай о том, кто всегда думал о тебе*». Такова надпись на надгробной плите И.К. Григоровича [Выровский 2019: 82].

Приведём отрывок из дневника М.М. Пришвина: «17 января 1953 г. Мы спросили: «Мы постарели?» – «Да, – ответил Ваня, – В особенности Валерия Дмитриевна». Поглядел я на неё, и сердце сжалось: остаются от прежнего только глаза и душа в них бессмертная. Так я с этим ходил и по кладбищу и встретил там соответственно в утешение слова на одной могиле: «*Letum non omnia finit*» (*Смерть не всё кончает*. Лат.) [Пришвин 1986: 624]. Обратим внимание на слова писателя: *встретил там соответственно в утешение слова на одной могиле*. Получается, что умерший человек тоже может утешить даже незнакомого человека, почему нужны такие надписи и почему так важно обратить внимание на то, что написано на надгробии.

Прочитаем относительно свежую надпись на могильном памятнике писателю Евгению Носову с обратной стороны: «*Покормите птиц*». Это уже экологическое завещание талантливого писателя нам, живущим.

Конечно, примеров немного, и кладбищенский креатив требует самого серьёзного отношения, времени, сбора сведений. Мы же хотели привлечь внимание к будто бы простым, личностным надписям, адресуемым не только родным, но и тем, кто случайно пройдёт мимо, прочитает и, может быть, задумается.

Выводы

1. Кладбищенская лингвистика является составной частью национальной культуры, более того это одна из устойчивых частей, плохо поддающихся нововведениям. Надписи на постаментах являются элементом общей культуры, они вбирают в себя всё ценное, значимое, дорогое для семьи.

2. В списке надписей на надгробиях можно выделить несколько ответвлений, и каждое из них имеет право на существование. Лаконичные надписи (фамилия, имя, отчество, даты жизни) наиболее распространены. Вспоминается древнеегипетское: «Мёртвого имя назвать – всё равно что вернуть его к жизни».

3. Простыми фиксациями имён, отчеств, фамилий и дат жизни не исчерпывается кладбищенская лингвистика. Другую группу составляют небольшие посвящения от родных и близких. Здесь правят бал концепты: «светлый», «сердце», «память», «боль» и другие, часто с отрицаниями: «не вернуть», «не забыть». Трудность составляет стремление сказать о боли, нет, не лучше всех, но так, как никто, что при предельном лаконизме надписей достаточно сложно.

4. Исследовать можно также стихи на надгробиях, посвящаемые ушедшему. Лингвистически они по большому счёту отличаются от обычной поэзии. В них свой строй, свои каноны. Наряду с традиционными концептами: «раны», «слеза», «потеря», в них встречаются концепты более редкие. Например: «звезда», «восход», «дубравы», «поля». Ритм стиха соответствует тому высокому чувству, которое связано со смертью человека.

5. Кладбищенский креатив может включать в себя также надписи, авторство которых принадлежало самому умершему, напутствовавшему ещё живущих, завещавшему им, как жить, к чему стремиться. Эти последние слова чрезвычайно важны. Их можно впитывать, проходя мимо могил, и они срабатывают как прощальный аккорд, даря надежду и успокоение.

Литература

Вырский Алексей. Последний морской министр Российской империи // Знание – сила, 2019, № 2. С.82-91.

Гаврилова Т. И. Терминология похоронно-поминального обряда в этнолингвистическом освещении (на материале Курского региона). Дисс. ... канд.филол.наук. Курск, 1997.

Давыдов Георгий. Лоция в море чернил // Новый мир, 2018, № 6. С. 19-70.

Марков Владимир. Centrifolla Russica. Упражнения в отборе 100 русских поэтов. – СПб.: Алетея, 1999.

Пришвин М. М. Дневники 1905-1954. Собрание сочинений в 8 томах. Том 8. М.: Художественная литература, 1986.

Проблематика смерти в естественных и гуманитарных науках: Статьи и тезисы докладов научной конференции / Под ред. В. К. Харченко. – Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 2000.

Седакова О. А. Обрядовая терминология и структура обрядового текста: Погребальный обряд восточных и южных славян. Автореф. дис. ... канд.филол.наук, 1983. 18 с.

Солоухин В. А. Командировка на кладбище // Москва, 1989, № 7. С. 11-20.

Филатова В. Ф. Обряд и обрядовая лексика в этимологическом аспекте (на материале говоров восточной части Воронежской области). Автореф. дис... канд.филол.наук. Воронеж, 1995.

Ястребенецкий Григорий. Тёплые осколки // Нева. 2013. № 6.
©Харченко В. К., 2019